

Вопросы теории

ПРОГНОЗЫ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА: ПРОВЕРКА ВРЕМЕНЕМ

Красникова Евгения Васильевна
*кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет,
кафедра политической экономики
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

Современный мир вступил в сложную и весьма противоречивую эпоху смены экономических систем, что отчетливо просматривается во множестве новых явлений. Материальными основами такой смены выступают завершение в развитых странах индустриализации и вступление в качественно новый этап в развитии производительных сил, основы которого закладываются освоением технологий Четвертой промышленной революции. Сменой систем разрешается достигшее критического уровня фундаментальное противоречие капитализма, в трактовке автора на стороне производительных сил представшее экологическим кризисом, на стороне производственных отношений – глубоким социальным неравенством, что свидетельствует об исчерпании потенциала их органического единства как индустриально-капиталистического.

В эпоху смены экономических систем уместно задать вопрос о востребованности прогнозов классиков относительно будущего капитализма, а таковых в их научном наследии два. Первый из них, получивший широкое признание, – коммунистический, изложенный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», опубликованном в 1848 г., в последующий период вошедшем в научный обиход как социалистический, и напротив преданный полному забвению прогноз К. Маркса о «преобразовании капиталистического способа производства в ассоциированный», изложенный им весьма лаконично, но четко и однозначно в третьем томе «Капитала». Марксистами всех последующих поколений был подхвачен первый прогноз, вопреки ожиданиям классиков, так и не состоявшийся не только в годы периодически повторяющихся среднесрочных кризисов, как они полагали, но и в течение всей последующей истории капитализма развитых стран. Совершенно неожиданно революция свершилась в полуфеодальной России, но и в ней век социализма оказался краткосрочным, однако причины его скоротечной гибели российской экономической наукой не вполне осознаны и поныне, а потому однозначного толкования не получили.

И напротив, состоялся второй прогноз. Такое преобразование капитализм претерпел в процессе освоения им второй и третьей промышленных революций, действительно приняв облик ассоциированного способа производства в процессе эволюции индивидуальной частной

собственности в частные формы ассоциированной. Высшей в их числе по масштабам ассоциации предстала акционерная, поглотившая экономическое пространство в сфере материального производства, сформировав в ней мощный корпоративный сектор.

Попытаемся разобраться, насколько востребованным может оказаться социалистический прогноз в современных условиях, в условиях устойчивого наращивания государственной собственности, упраздняющей имманентную капитализму монополию частных форм собственности, но тем самым и капитализм как таковой. Не обретает ли новый способ производства облик коммунистического, каким трактовали его классики?

Ключевые слова: промышленные революции, экономические системы, формы собственности, прогнозы классиков, сервисная экономика.

JEL коды: G32, P14, P16, Q56.

Для цитирования: Красникова Е.В. Прогнозы К. Маркса и Ф. Энгельса: проверка временем // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Том 15. Выпуск 3. С. 7-28. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-7-28.

Введение

Социалистический прогноз был провозглашен классиками на основе анализа реалий капитализма середины XIX в. В истории капитализма это первый этап, этап освоения первой промышленной революции из трех, вобранных историей индустриализации. Для ее полного освоения он был призван на историческую сцену, что и было им успешно осуществлено к началу XXI в.

Традиционно исторически и логически исходный этап, а это этап классического капитализма, ключевой признак которого – господствующее положение индивидуальной частной собственности, основанной на кооперации наемного труда, предстал наиболее жертвенным и тяжелым в жизни общества как вступающего в эпоху иной экономической системы, иного способа производства, иной формации. А это эпоха коренного изменения образа жизни, предпосланного коренным преобразованием реального сектора экономики ввиду его переориентации с аграрного производства на промышленное, с сельского образа жизни основной массы населения на городской, ввиду коренной ломки классовой структуры общества, ввиду сохранения отношений эксплуатации, но в принципиально новых условиях и новыми методами. Методами, наиболее примитивными на этапе освоения первой промышленной революции, а потому и наиболее доступными, ставшими всеобщими, использованием которых и достигалось производство исторически и логически исходной формы прибавочной стоимости – абсолютной. Преобладающим из них оказалось увеличение продолжительности рабочего дня вплоть до 12–16 часов. Ввиду преобладания простого физического труда широко использовался женский и даже детский труд. Типичным был нищенский уровень оплаты труда и как следствие – тяжелые условия быта, что было предпослано не только отношениями эксплуатации, но и низким уровнем производительности труда.

Сложившаяся на этом этапе расстановка классовых сил оказалась крайне противоречивой, обострявшейся в годы периодически повторяющихся циклов, а само циклическое развитие явилось закономерностью индустриализации. Каждый из них неизменно сопровождался крайним обострением классовой борьбы на завершающей промышленный цикл фазе – фазе кризиса. Особенно частыми в годы освоения первой промышленной революции предстали

среднесрочные циклы, повторяющиеся каждые 9–11 лет. Накал классового противостояния в кризисные годы был столь велик, что создавал видимость неизбежности краха капитализма буквально при очередном из экономических кризисов. И все же видимость ложную, как показала история: капитализм выстоял, вследствие неизменного следования по инновационному пути, по пути вытеснения простого труда, предпосланного индустриализацией.

Совокупностью всех этих обстоятельств и был порожден прогноз К. Маркса и Ф. Энгельса. Суть его – превращение «призрака коммунизма» в реальность уничтожением пролетарской революцией частной собственности и ее субъектов – буржуазии и утверждением общественной, субъектом которой становится пролетариат.

Последующий ход истории развитых стран, в которых и должна была свершиться, по убеждению классиков, при очередном кризисе пролетарская революция, не подтвердил этот прогноз, «призрак коммунизма» так и не материализовался. Не подтвердил, так как освоение индустриализации к середине XIX в. едва начиналось, а капитализму предстояло освоить ее в полном объеме. Но, по утверждению самого Маркса, ни одна формация не погибает прежде, чем полностью не выполнит возложенную на нее историческую миссию в развитии производительных сил. Таков закон диалектического единства производительных сил и производственных отношений, подтвержденный и всей экономической историей человечества. Так, отнюдь неслучайно капитализм как экономическая система нигде в экономической истории не предшествовал феодализму, равно как и феодализм не уступал место капитализму до полного исчерпания им своего экономического потенциала, потенциала ручного труда и примитивной ручной техники. В этом смысле сельское хозяйство предстало прелюдией индустриальной эпохи, что вполне естественно. Более того, уровень развития национальной экономики на любом ее историческом этапе определяется состоянием сельского хозяйства в ней, что и было отмечено еще А. Смитом.

Освоение индустриализации явилось миссией капитализма вследствие многоаспектной адекватности данной системы экономических отношений индустриализации как особому этапу в развитии производительных сил, каковой заведомо не могла обладать никакая иная. Отнюдь неслучайно собственники земли в эпоху феодализма не озадачивались проблемой индустриализации. И напротив, у страны победившего социализма выбора не было, так как российский капитализм едва приступил к ее освоению. Но освоить ее в полной мере так и не удалось. Социализм сошел с исторической сцены задолго до ее полного завершения и при этом без всякого насилия извне. Насильственное насаждение социализма наглядно подтвердило, что нарушать закономерности экономического развития даже из самых благих побуждений лишено экономического смысла – расплата неизбежна. Такой расплатой и явился возврат страны на исходные (капиталистические) позиции.

Адекватность отношений частной собственности, основанной на кооперации наемного труда, действительно была многоаспектной. Назовем наиболее значимые из них:

- прежде всего это кооперация труда, ставшая возможной благодаря процессу первоначального накопления капитала, а сама она позволяла осуществлять разделение труда как внутри нее, так и между ними, явившееся исторически и логически исходной предпосылкой повышения производительности общественного труда – даже ручного;
- кооперация наемного, то есть свободного от крепостной зависимости труда, а потому способного к территориальному перемещению в зависимости от потребностей индустриального развития;

- целевая установка собственника объектов реального сектора на максимизацию прибыли, тем самым – на неизменную ориентацию на инновационное развитие, гарантирующее ее реализацию в условиях жесткой конкурентной борьбы;
- способность индивидуальной частной собственности к эволюции в частные формы ассоциированной в целях преодоления ограниченного экономического потенциала индивидуальной относительно неизменно растущих масштабов индустриального производства.

Были и другие факторы, позволившие капитализму пройти полный жизненный цикл. В их числе его способность положительно разрешать присущие ему социально-экономические противоречия. Материальной основой тому явилось последовательное освоение промышленных революций, каждая из которых неизменно обеспечивала повышение производительности труда. Ее повышение оборачивалось не только ростом прибыли, но и жизненного уровня пролетариата отнюдь не по доброй воле капиталиста, хотя нравственные нормы поведения всегда значимы, но вследствие объективных причин. В их числе неизменный рост спроса на все более высококвалифицированную, а потому и более высокооплачиваемую рабочую силу, чем исключалось абсолютное обнищание пролетариата. Таков один из весомых факторов, воспрепятствовавший формированию «могильщика капитализма» в облике пролетариата, им так и не ставшего.

Важно и то, что по мере освоения промышленных революций получало положительное разрешение и основное, в интерпретации Ф. Энгельса, противоречие капитализма, трактуемое им противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Оно разрешалось в процессе эволюции индивидуальной частной собственности в частные формы ассоциированной. Такой эволюцией снималось не только противоречие между растущими по мере освоения промышленных революций масштабами производства и ограниченным экономическим потенциалом индивидуальной частной собственности, что и было отмечено Марксом, но само присвоение произведенного продукта приобретало общественный характер. Общественный в масштабах ассоциации собственников, представленной партнерством, кооперативом, трудовым коллективом, АО. Более того, акционерную собственность как высшую по масштабам ассоциации Маркс без всяких оговорок трактовал общественной: «Капитал... получает здесь непосредственно форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов) в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это – упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» (Маркс, Энгельс, 1956).

Итак, вследствие адекватности отношений капиталистической частной собственности индустриальному этапу развития социалистический прогноз так и не состоялся ни в одной из развитых стран вплоть до полного исчерпания потенциала индустриально-капиталистического развития, а именно к этому барьеру он подошел в настоящее время вплотную. Не состоялся, будучи сделанным классиками на основе анализа реалий этих стран эпохи освоения ими всего лишь первой промышленной революции. Каждая из них успешно прошла все стадии своего развития, предпосланные индустриализацией, вплоть до ее завершения к началу XXI в. освоением технологий третьей промышленной революции, а это ИКТ и микроэлектроника. Капитализм не сломали ни сопровождавшая всю его историю классовая борьба, так и не обретшая характера победоносной пролетарской революции, ни массовая безработица, так и не принявшая хронического характера, как полагал Маркс, аргументируя это ростом органиче-

ского строения капитала (хотя уместнее в данном контексте аргументировать устойчивым ростом его физического строения), ни социальное неравенство, так как оно действительно свидетельствует об относительном ухудшении положения рабочего класса, но отнюдь не об абсолютном, вопреки утверждению классиков, так и не состоявшегося. Но именно абсолютное значимо для подъема классовой борьбы.

Совершенно особое место заняло достигшее к настоящему времени огромных масштабов социальное неравенство, явившееся следствием относительного ухудшения положения пролетариата, будучи предпосланным неравенством в доходах, в свою очередь предпосланным социальной структурой буржуазного общества. Ныне оно обрело особую актуальность, что и нашло отражение в современной экономической науке. Едва ли не исчерпывающему анализу данная проблема была подвергнута французским ученым Т. Пикетти, трактующим сложившееся неравенство отражением «фундаментального логического противоречия» капитализма как системы экономических отношений (Пикетти, 2015).

Оно действительно фундаментальное, так как механизм его разрешения капитализм не обладает в противоположность тем, что были проанализированы классиками. Не обладает, так как предстает отражением имманентной капитализму социальной структуры общества, а классы заведомо имеют разные источники доходов. А это доход на капитал и доход на труд, в качестве таковых не подлежащие выравниванию даже при том, что по мере индустриализации неизменно повышаются и трудовые доходы. Снижение разрыва вплоть до существенного происходит лишь в экстремальных условиях. Таковы в истории капитализма годы Великой депрессии и двух мировых войн, временно прерывавших производство относительной прибавочной стоимости в противоположность абсолютной, границы которой поставлены узаконенной в каждой стране продолжительностью рабочего дня. Разрыва заведомо временного, что и было подтверждено приведенными Т. Пикетти статистическими данными, но позволившими ослабить остроту классового противостояния.

Фундаментальный характер этого противоречия состоит и в том, что именно его следствием явился экологический кризис, ставящий окончательную точку в истории капитализма и даже более – в истории человечества, если граница дозволенного будет все же пресечена. Об осознании реальности такой опасности свидетельствует столь стремительно осуществляемая ныне смена парадигмы развития. Экологический кризис свидетельствует о полном исчерпании потенциала индустриализации (как особого способа взаимодействия человека и природы), потенциала замены живого труда машинным, а именно таково назначение данного качественно определенного этапа в развитии производительных сил. Завершается эпоха репродуктивного труда, и открывается эпоха труда креативного во всех сферах трудовой деятельности, чему человечество обязано выдающимся достижениям фундаментальных естественных наук, трансформируемым ныне в NBIC-технологии.

И еще несколько замечаний по поводу неравенства. За неизменно нарастающим неравенством помимо классовых различий скрывается становящееся все более избыточным личное потребление, в пределах возможного присущее всем социальным слоям населения. Именно всем, что весьма значимо, исходя из превосходящей численности получающих трудовые доходы. И все же наибольший вред природе наносит самая обеспеченная часть населения. Так, по утверждению специалистов в области экологии, «48% углеродного следа (не только прямого, но и косвенного воздействия) наносит 1% наиболее обеспеченной части населения мира» (Фермеры..., 2023). Неизменно растущее потребление, перерастающее в избыточное, на уровне личности вплоть до избыточного веса (избыточного по критерию Международного

индекса массы тела, отнюдь неслучайно разработанного ВОЗ), достигается ценой хищнического воздействия на природу на протяжении всей истории индустриально-капиталистического развития, самым естественным образом и обернувшегося экологическим кризисом. Глубоко прав был В.В. Жириновский, предлагавший ввести налог на избыточный вес, что осталось без внимания.

Предотвратить его перерастание в экологическую катастрофу возможно лишь сменой капитализма иной экономической системой, системой, хозяйствующие субъекты которой обладают иной целевой установкой в своей трудовой деятельности, ориентирующей их на наращивание духовного, а не вещественного богатства. Материальные предпосылки для такой переориентации уже созданы завершением индустриализации как эпохи сведения к минимуму заменяемого труда. Начинается эпоха всеобщей интеллектуализации трудовой деятельности.

Итак, заключительный аккорд в истории капитализм ставит не социальное неравенство вопреки его масштабам и даже не пролетарская революция (к тому же ряды пролетариата устойчиво редели по мере освоения индустриализации). Ставит экологический кризис, свидетельствующий о полном исчерпании потенциала парадигмы экономического роста, измеряемого показателем ВВП, культ которого не изжит и поныне вопреки реальной угрозе его перерастания в экологическую катастрофу. Страной-лидером экономического развития мировой общественностью и поныне признается не та, что лидирует в освоении новейших технологий, а тем самым и в смене парадигмы развития, но та, что обеспечивает самые высокие темпы ВВП, хотя это свидетельствует лишь о стремлении завершить индустриализацию, представляющую фундамент для освоения Четвертой промышленной революции. В эпоху NBIS-технологий экономическое развитие будет измеряться иными показателями, способными измерять эффективность интеллектуального труда.

Тем более опасны всякого рода внутри- и межстрановые конфликты вплоть до военных, неизменно оборачивающиеся сокрушительными для человечества последствиями, в том числе и в области экологии. Стадия дикости давно миновала, но и современный уровень демократизации общественной жизни далеко не во всех странах позволяет институтам гражданского общества вследствие их незрелости (да и сложились они далеко не во всех странах) эффективно контролировать деятельность политических лидеров. Такова ситуация и в современной России, на что и обращают внимание российские ученые: «...не успев создать зрелое гражданское общество, большую часть тридцати лет после социализма Россия прожила в условиях сползания к четвертой фазе эволюции патерналистского государства...», под которой (четвертой) авторы имеют в виду «...дрейф патерналистского государства в сторону эскалации его вмешательства во все сферы человеческой деятельности с опорой на самовозрастающую бюрократию и силовые структуры, милитаризации экономики и имперских амбиций» (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022). Тем более актуально широкое использование меритократического подхода к подбору управленческих кадров. Практика использования такого подхода в разных странах едва ли не впервые в российской экономической науке подвергнута обстоятельному анализу А.Г. Комиссаровым (Комиссаров, 2023). Анализу, вдвойне значимому для российской практики ввиду традиционно высокой роли государства и как следствие – особой значимости политического фактора в социально-экономической жизни общества. Важно и то, что в подготовке таких кадров Россия пребывает далеко не в числе лидеров.

Переходя к следующей проблеме, еще раз вслед за Пикетти отметим, что действительно не следует абсолютизировать объективные закономерности. Отступления от них возможны вследствие и под воздействием привходящих обстоятельств политического, экономического,

социального характера, а тем более вследствие их рокового для страны совпадения во времени. И все же отступления всегда временного, так как от объективных закономерностей, заведомо неустрашимых. Именно вследствие такого совпадения и оказалась возможной апробация социализма на практике отнюдь неслучайно не в развитых странах, но именно в отсталой России, где капитализм едва укоренился. Однако потребовалось всего несколько десятилетий, чтобы выявить несостоятельность подмены капитализма социализмом на этапе индустриального развития. Страна вновь оказалась «у разбитого корыта». Возврат на исходные позиции предстал не только неизбежным, но еще и крайне осложненным уникальным в истории капитализма предшественником – социализмом. Но предварительно остановимся на судьбе второго прогноза Маркса, в отличие от первого успешно выдержавшего испытание временем.

1. Судьба прогноза Маркса о «преобразовании капиталистического способа производства в ассоциированный»

Принципиально иной оказалась судьба другого прогноза Маркса, изложенного им в третьем томе «Капитала», весьма отличного от так называемого социалистического. Иной прогноз разработан уже зрелым ученым на основе глубокого и всестороннего осмысления новых явлений в истории капитализма. В числе новых судьбоносной в истории капитализма оказалась эволюция индивидуальной частной собственности в формы ассоциированной, какими сам Маркс называет кооперативную и акционерную, хотя их больше. В широком распространении акционерной формы собственности равно как и кооперативной, а они высшие по масштабам ассоциации собственников среди прочих форм ассоциированной собственности, Маркс усматривает преобразование капиталистического способа производства в ассоциированный: «Это – упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое *prima facie* представляется простым переходным пунктом к новой форме производства» (Маркс, Энгельс, 1956). Эту «новую форму производства» он отнюдь не определяет коммунистической вопреки в его собственном определении общественной природе акционерного капитала и его предприятий и акционерной собственности (она действительно общественная в пределах ее ассоциации – АО, хотя сам Маркс такой оговорки не делает): «Капитал... получает здесь непосредственную форму общественного капитала... в противоположность частному капиталу, а его предприятия выступают как общественные предприятия в противоположность частным предприятиям. Это упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства» (Маркс, Энгельс, 1956). Иными словами, упраздняется капитал как частная собственность и утверждается капитал как общественная собственность, а капиталистический способ производства приобретает облик ассоциированного: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к *ассоциированному* (выделено мною. – Е.К.)...» (Маркс, Энгельс, 1956).

В этом направлении и пошло развитие капитализма, а «новая форма производства» предстала всего лишь очередным этапом в его развитии, этапом корпоративного капитализма. Сформировавшийся на основе акционерной собственности, еще в начале XX в. этот этап получил в науке определение монополистического (монополии действительно «заселили» сферу материального производства). Доминирующие позиции в сфере материального производства заняла акционерная собственность, вытеснив с них индивидуальную, каковые она занимала на этапе классического капитализма. Но сама индивидуальная отнюдь не исчезла, а всего лишь

переместилась соответственно своему экономическому потенциалу в сферу малого и среднего бизнеса, в сферу услуг.

Отмечает Маркс весьма значимые изменения и в социальной структуре общества по мере становления «ассоциированного способа производства». Он связывает эти изменения с передачей собственниками-акционерами функций управления особой социальной прослойке внутри лиц наемного труда – наемному менеджменту, сохраняя за собой функции инвестирования, дополненные контрольными функциями за его деятельность. Отметим, что Й. Шумпетер идет еще дальше, усматривая в таком раздвоении «размывание субстанции собственности» ввиду упразднения «...человека, знакомого с тем, что такое собственность и личная ответственность в первоначальном смысле этих слов» (Шумпетер, 1995).

Но не менее достойно внимания и то обстоятельство, что акционерная собственность, будучи действительно общественной в границах АО, а число и масштабы АО неизменно растут, весьма способствовала расширению класса собственников как инвесторов и при этом в том числе и за счет класса наемных рабочих, приобретением акций удваивающих свой социальный статус, а тем самым и доход, что позволяет решать проблему повышения жизненного уровня, не прибегая к возведению баррикад. Инвесторы в качестве таковых соответственно двойственной природе акционерной собственности экономически реализуют свой социальный статус собственника как индивидуального в пределах индивидуального пакета акций вполне традиционным путем – индивидуальным присвоением прибыли в облике дивидендов. И напротив общественная (в пределах АО) природа акционерной собственности реализуется совместным присвоением той части прибыли, что подлежит капитализации.

Отметим также, что самым неожиданным образом Маркс корректирует и собственную трактовку отношений эксплуатации, изложенную в первом томе «Капитала». Оказывается, что часть прибыли в эпоху классического капитализма, в эпоху индивидуальной собственности была по существу заработной платой капиталиста, будучи платой за управление, которое он осуществлял сам (Маркс, Энгельс, 1956). Именно заработной платой, так как управленческий труд Маркс резонно трактует производительным.

Отношения между собственниками и наемным менеджментом хотя и предстают классовыми, но это отношения равных партнеров, что предпослано равнозначностью выполняемых ими функций. Но функций, разных по удаленности от непосредственного воспроизводственного процесса, по профессиональной и интеллектуальной насыщенности этих функций. Отнюдь не исключено, что господствующие позиции в отношениях собственника-инвестора и не собственника-управляющего уверенно занял к настоящему времени менеджмент. Не без основания легендарный американский инвестор и основатель второго по величине в мире индексного паевого фонда «Vanguard» Дж.К. Богл выдвинул даже лозунг «Собственники всех стран, соединяйтесь!» (Богл, 2011). Соединяйтесь в противостоянии с технотструктурой, весьма склонной к оппортунистическому поведению, направленному на ущемление экономических интересов инвесторов, успешно ею реализуемому. Но отнюдь, как и можно было бы ожидать, не в интересах наемных рабочих – классовая солидарность, увы, не срабатывает.

Итак, этап классического капитализма сменился этапом корпоративного капитализма, доминирующие позиции в сфере материального производства заняла акционерная собственность, представшая высшей среди частных форм ассоциированной. В этом смысле капитализм действительно превратился в «ассоциированный способ производства», как и полагал Маркс, в качестве такового резонно получивший в экономической науке начала XX в. название монополистического и даже государственно-монополистического капитализма. Более того, по мере

укрепления своей экономической мощи не без помощи государства монополии весьма успешно приступили к формированию колониальной системы, что дало основание трактовать эту стадию еще и империализмом, в качестве такового впервые подвергнутого обстоятельному анализу английским ученым Дж. Гобсоном (Гобсон, 1927). Материальными основами вступления капитализма в более зрелый этап (стадию, фазу) развития явились успешное завершение освоения им первой и не менее успешное освоение второй промышленной революции, завершенной им к началу последней трети XX в.

В еще большей мере капитализм предстал «ассоциированным способом производства» на заключительном – третьем – этапе ввиду широкого распространения государственной собственности. А она предстает не просто ассоциированной, но ее высшей по масштабам ассоциации собственников формой ассоциированной собственности. И притом не просто общественной, но в буквальном смысле слова общенародной по своему экономическому происхождению, так как ее инвесторами оказалось все экономически активное население, представшее таковыми в облике налогоплательщиков. Инвесторами в обязательном порядке, коль скоро сфера обитания государственной собственности – производство общественных благ как неделимых в потреблении, а потому как подлежащих совместному потреблению, совместно и финансируемых. И при этом благ, значимость которых для развития общества, а потому и необходимость их все более полного удовлетворения неизменно возрастает. В государственной собственности ассоциация инвесторов представлена обществом в целом, в экономических интересах которого государство в облике правительства призвано налоговыми изъятиями распоряжаться в качестве макроэкономического субъекта как субъекта, порожденного государственной собственностью для выполнения управленческих функций. При этом сама налоговая система, будучи непосредственным предметом исследования прикладной экономической науки, весьма непроста как с точки зрения ее формирования, так и с точки зрения характера использования налоговых поступлений. Все эти проблемы решаются на уровне правительства тем эффективнее, чем действеннее контроль за его деятельностью со стороны гражданского общества, коль скоро его члены и есть инвесторы. А в восприятии гражданского общества эффективность измеряется оптимальной сбалансированностью интересов различных социальных слоев в удовлетворении потребностей каждого из этих слоев в общественных благах в пределах возможного.

Итак, сфера производства общественных благ есть сфера производства совершенно особых благ, спрос на которые неизменно растет по мере повышения общей культуры производства и общества. Они хорошо известны, наиболее значимые в их числе – здравоохранение, образование, фундаментальная наука, многофункциональные отрасли инфраструктуры, социальная сфера, ОПК. Устойчивым ростом потребностей в таких благах и предопределено формирование государственного сектора. Потребностями общества в неделимых в потреблении, но общественно значимых благ и определяются границы государственной собственности, разные на разных этапах развития общества, разные в зависимости от национальной модели рыночной экономики. Превышение объективно заданных ее границ чревато снижением эффективности функционирования в экономических нишах, которыми данная форма собственности не востребована. А ее уровень и есть критерий оптимизации соотношения форм собственности в современном экономическом мире. Именно это и случилось при социализме: превышение государственной собственностью объективно заданных ее природой границ ограничивало экономический потенциал удовлетворения не только общественных потребностей, но и жизненного уровня в целом.

Третий этап в развитии капитализма весьма примечателен не просто устойчивым расширением границ государственной собственности, но фактически произошло упразднение имманентной капитализму монополии частных форм собственности (тем самым и монополии рыночного механизма хозяйствования) и как следствие – то самое «упразднение капиталистического способа производства» как эпохи безраздельного господства частной индивидуальной собственности, которое и предвидел Маркс, усматривая его в утверждении акционерной собственности как общественной. Ныне современная экономика развитых стран предстала единством трех секторов: рыночного, где доминируют индивидуальная и низшие формы ассоциированной собственности; корпоративного, где доминирует акционерная; и государственного в их тесном взаимодействии вплоть до государственно-частного предпринимательства. Таков заключительный этап в развитии капитализма, весьма отличный от исходного – этапа классического капитализма.

Однако ныне закачалась почва и под ногами капитализма как «ассоциированного способа производства» ввиду оказавшейся совершенно неожиданной судьбы индивидуальной частной собственности, предвидеть которую было невозможно даже в XX в. Она не только была вобрана всеми формами ассоциированной, государственной в том числе, в качестве внутреннего момента, что придало им двойственный и тем самым весьма противоречивый характер. Как подлежащий разрешению он неизменно способствовал их развитию. Сохранилась она и в качестве самостоятельной, будучи обязанной тому раздвоению в процессе освоения индустриализации реального сектора на сферу материального производства и сферу услуг, практически заново сформированную капитализмом. В эту сферу соответственно своему экономическому потенциалу индивидуальная собственность и была без всякого насилия смещена акционерной собственностью, взошедшей на пьедестал господствующей в сфере материального производства.

Смещена безболезненно, в «Золушку» она не только не превратилась, но процесс пошел еще дальше. Едва ли не самое примечательное в современной экономике развитых стран состоит в том, что сама сфера услуг, а это сфера индивидуальной и низших форм ассоциированной собственности, заняла доминирующие позиции в реальном секторе как таковом по основным макроэкономическим параметрам: по численности занятых и доле в производстве ВВП. Так, в структуре ВВП, например, Нидерландов она занимает ныне 70,2%, при этом промышленность всего – 17,9% (Фермеры..., 2023). Растет и число самозанятых. Так, в настоящее время около 30% работающих в США относится к этой категории (Львова, 2019).

Процесс пошел еще дальше. Ныне данная сфера по мере превращения индивидуальной собственности в интеллектуальную в процессе интеллектуализации труда по мере завершения индустриализации посягает на саму сферу материального производства, потребность которой в интеллектуальных услугах неизменно возрастает в процессе освоения все более сложных технологий. А сами эти услуги способствуют дальнейшему повышению производительности труда, но способом измерения их вклада в такое повышение ученые еще не овладели, что дает искаженное представление о ее повышении (в традиционном для индустриализации измерении темпы ее прироста падают).

В связи со стремительным ростом сферы услуг правомерно провести историческую аналогию: подобно тому как сельское хозяйство выступило прелюдией индустриальной эпохи, сфера услуг выступает прелюдией информационно-цифровой. Современная экономика все более обретает характер сервисной, о чем наглядно свидетельствует занятость в сфере услуг: «...более 80% рабочей силы в основных промышленно развитых странах занято в том,

что на национальных счетах (Petit, 1987) называется “услугами”» (Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022). В развитии сферы услуг, а в США в ней ныне занято 86% от общего числа занятых, А. Фриман усматривает «наиболее характерную технологическую трансформацию послевоенной эпохи» (Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022). Такая трансформация и выступает материальной основой превращения экономики в сервисную. Но капитализм ли это, породивший это «дитя», идущее ему на смену, хотя признаки родства при этом сохраняются (частные формы собственности, рыночная экономика, но в более зрелом виде)?

Итак, капиталистический способ производства, как и полагал Маркс, по мере индустриализации, по мере поглощения акционерной собственностью сферы материального производства все более превращался в ассоциированный, не утрачивая при этом своей капиталистической природы ввиду сохранения частных форм собственности (общественных в пределах ассоциации каждой из них), а потому и рыночного механизма хозяйствования, но все более в сочетании с плановым в форме корпоративного планирования. Но к исходу индустриализации на горизонте вновь замаячила индивидуальная, получив на то права гражданства обращением в интеллектуальную. Поднявшаяся в своем развитии на уровень интеллектуальной, она в качестве таковой вновь претендует на лидирующие позиции не только в сфере услуг, но и в реальном секторе экономики в целом. Под воздействием всех этих преобразований современная экономика, не утратив характера рыночной, все более утрачивает характер капиталистической и как таковой – эксплуататорской.

Нет оснований трактовать его и социалистическим в марксистской интерпретации: тенденции к монопольному положению государственной собственности не просматривается. Реальный сектор и в постиндустриальную эпоху представлен множеством экономических ниш, требующих разных масштабов труда и капитала, разных форм собственности, в разном их соотношении.

Пройдя три этапа в своем развитии соответственно трем промышленным революциям, капитализм действительно сходит с исторической сцены, но не под воздействием пролетарской революции, тем более, что в классическом виде пролетариата к исходу третьего этапа практически не осталось. Сходит вследствие успешного завершения индустриализации вполне естественно-эволюционным путем, оставляя, однако, за собой тяжкий след, предположенный его фундаментальным, не подлежащим разрешению противоречием: предел на стороне производительных сил ставится экологическим кризисом, на стороне экономических отношений – непреодолимым ростом социального неравенства как фактора углубления данного кризиса вплоть до критического состояния. Это противоречие может быть разрешено только сменой всей системы экономических отношений, вбирающей в себя преобразование отношений собственности и как следствие – социальной структуры общества. А в самом обществе место человека экономического займет интеллектуал, способный осваивать NBIC-технологии, но едва ли совместимый с имманентными капитализму отношениями наемного труда и капитала. Однако однозначного ответа о характере экономических отношений на этапе всего лишь их формирования дать невозможно.

Итак, как и полагал Маркс, на основе акционерной собственности как высшей среди частных форм ассоциированной капитализм эволюционировал в «ассоциированный способ производства», что позволило капитализму продлить свою историю до полного завершения им индустриализации. В свою очередь это и явилось исходной предпосылкой для освоения качественно нового этапа как материальной основы новой экономической системы с явными

признаками социализации, порожденными ассоциированными формами собственности, государственной – в наибольшей мере.

2. Основные аспекты несовместимости советской модели социализма с объективными закономерностями экономического развития

Как уже отмечалось, судьба социалистического прогноза классиков оказалась далеко не однозначной. Этот прогноз не имел никакого отношения не только к феодальной России середины XIX в., когда впервые он был опубликован, но и к России начала XX в., когда в ней свершилась социалистическая революция. Не имел, так как численность пролетариата в стране к началу XX в. составляла не более 8–10% от общего числа занятых, явно недостаточного для совершения пролетарской революции. Пролетарская революция без пролетариата – нонсенс вдвойне, так как в развитых странах пролетариат не сподобился ее совершить вплоть до едва ли не полного завершения его истории. Капитализм сходит с исторической сцены ввиду завершения своей исторической миссии – индустриализации, т. е. естественно-эволюционным путем.

В России начала XX в. капитализм едва приступил к освоению первой промышленной революции, присущая ему классовая структура только формировалась, противоречия просматривались, но протестные выступления носили единичный и разрозненный характер. При этом российское самодержавие отнюдь не препятствовало индустриализации, необходимость которой была вполне осознана еще Александром III. И даже великий русский ученый-химик Д.И. Менделеев весьма активно ей способствовал: «Я не был и не буду ни фабрикантом, ни заводчиком, ни торговцем, но я знаю, что без них, без придания им важного и существенного значения нельзя думать о прочном развитии благосостояния России. Меня при этом не страшит тот страх капитализма, которым заражена вся наша литература» (Менделеев, 1995). Его деятельность, направленная на «возбуждение промышленного развития России» дала ему основания видеть в себе не только химика: «Какой я химик – я политико-эконом» (Менделеев, 1995).

Особенности становления капитализма в России были подвергнуты тщательному анализу В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» на основе широкого использования земской статистики. В ней было четко прописано, что к исходу века страна все еще остается аграрно-феодальной, но ее преобразование в индустриально-капиталистическую протекало весьма успешно, чему способствовали отмена крепостного права в 1861 г. и стремительно протекавший процесс первоначального накопления.

Однако вопреки исторически исходному этапу индустриально-капиталистического развития революция в стране свершилась и началось возведение социализма захватившими власть большевиками во главе с В.И. Лениным, социализма в марксистской трактовке. Захват политической власти позволил использовать все доступные и весьма жестокие методы для его возведения вопреки общим экономическим закономерностям, присущим экономической истории человечества. Закономерностям, четко просматриваемым на протяжении всей истории европейских стран: ни в одной из этих стран капитализм как экономическая система не предшествовал феодализму, равно как феодализм – рабству. О том же свидетельствует и оказавшаяся неизбежной реставрация капитализма в России по завершении социалистического эксперимента. Опытом социализма в России еще раз подтверждена научная состоятельность диалектического единства производительных сил и производственных отношений: одна и та же

историческая миссия в развитии производительных сил не может быть функцией разных экономических систем. Адекватной индустриальному этапу в развитии производительных сил, как к тому времени уже показала история, явилась система отношений частной собственности, основанной на кооперации наемного труда, но отнюдь не принципиально отличная от нее тотально огосударствленная экономика. Именно поэтому реализовать на практике провозглашенную в качестве высшей цели социализма неизменный рост благосостояния народа так и не удалось. Капитализм даже на этом поприще оказался несравненно более успешным вопреки его непосредственной ориентации на принципиально иную целевую установку, т. е. опосредованным путем, адекватного индустриальной эпохе.

Решающую роль в возникновении социализма вопреки экономическим закономерностям сыграли внеэкономические факторы. В их числе основной, по утверждению Й. Шумпетера – поражение России в Первой мировой войне: «Нет никаких причин полагать, что, если бы не мировая война, тяжелым грузом легшая на социальную ткань, русская монархия не сумела бы мирно и успешно трансформироваться под влиянием и по ходу экономического развития страны» (Шумпетер, 1995). Уместно напомнить, что столь же наглядно социалистический лагерь сформировался вследствие политического фактора – победы СССР во Второй мировой войне и раздела сфер влияния по ее итогам. Важным для победы революции в России было и то обстоятельство, что российская буржуазия еще не вполне созрела для овладения политической властью в стране, а потому «перехватить» ее у терпящего окончательный крах самодержавия, а тем более удержать даже ту, которой она уже обладала, не смогла.

Бессмысленное для страны участие в войне и последующее поражение в ней крайне обострили политическую, экономическую и социальную ситуацию в стране, чем в полной мере воспользовались большевики во главе с В.И. Лениным, сумевшими и захватить, и удержать политическую власть методами жестокого террора, каковой и должна была предстать диктатура пролетариата, истерзанного войной народа. Иными методами сдвинуть во времени экономические закономерности попросту не представлялось возможным. Решающую роль в победе революции сыграли Ленин с опорой на верных соратников по партии, осуществлявший свою революционную деятельность в качестве лидера в полном соответствии с собственными политическими взглядами на сложившуюся в стране ситуацию, не брезгуя никакими методами во имя их реализации. Именно так трактует Н.А. Бердяев сложившуюся в России ситуацию накануне революции: «Вопреки доктринерскому пониманию марксизма, Ленин утверждал *явный примат политики над экономикой* (выделено мною. – Е.К.). Проблема сильной власти для него основная. Вопреки доктринерскому марксизму меньшевиков, Ленин видел в политической и экономической отсталости России преимущество для осуществления пролетарской революции. В стране самодержавной монархии, не привыкшей к правам и свободе гражданина, легче осуществить диктатуру пролетариата, чем в западных демократиях» (Бердяев, 1990). Столь же обстоятельному и всестороннему анализу подвергаются революционные события того периода, равно как и деятельность Ленина, которому Россия обязана победой социалистической революции и первыми годами преобразований, советским ученым Г.Х. Поповым. Значимость его анализа состоит еще и в том, что он осуществлен с учетом и на основе итогов апробации социализма на практике (Попов, 2008).

Одержав окончательную победу в Гражданской войне, политические лидеры во главе с Лениным с огромным энтузиазмом приступили к построению социализма, диктаторскими методами насаждая государственную собственность, высвобождая для нее экономическое

пространство беспощадным уничтожением ее частных форм в полном соответствии с рекомендациями классиков: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии... весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс...» (Маркс, Энгельс, 1956). «Вырвать» народу удалось, а затем приступить к индустриализации, в ходе которой и шло формирование пролетариата, десятилетия спустя весьма пассивно принявший столь ранний исход социализма.

Осознаваемая Лениным несвоевременность пролетарской революции в отсталой стране нашла отражение и в экономической политике, проводимой после окончания Гражданской войны. Именно осознаваемая, о чем свидетельствует множество его высказываний по этому поводу, в систематизированном виде представленных в монографии М.И. Воейкова (Воейков, 2009). А потому отнюдь не случайно на смену политики «военного коммунизма» пришла разработанная им новая экономическая политика (нэп), направленная на возрождение капитализма, естественно, в форме государственного. Рассчитанная Лениным «всерьез и надолго», она, однако, была свернута вскоре после его смерти. Политическое чутье подсказывало политическим лидерам, что утверждение социализма возможно лишь свертыванием начавшегося бурного возрождения рыночных отношений, опасного даже под эгидой пролетарского государства. Политический курс был взят на ужесточение репрессивной политики против явных и скрытых врагов социализма, укреплению которого способствовало перерождение диктатуры пролетариата в диктатуру государства во главе с «вождем-диктатором Сталиным» (Бердяев, 1990). Неслучайно разоблачение его репрессивной деятельности оказалось возможным лишь после его смерти: не посадит и не расстреляет своих разоблачителей. К тому же и идеологическое пространство в стране было им окончательно зачищено, хотя бдительность и небезосновательно сохранялась даже в эпоху «развитого социализма» (напомним о кровавых событиях в Новочеркасске в июне 1962 г., но протестные выступления не были единичными, они просто замалчивались).

И все же в среде политической верхушки зрело понимание неизбежности возрождения рыночных отношений, что и нашло выражение в предпринятой в 1960-х гг. попытке внедрения так называемой реформы А.Н. Косыгина, прорыночной по своему содержанию. Однако политическое чутье сработало и на сей раз. Партийные лидеры решили все же не рисковать, чем и довели ситуацию в стране до критического состояния. Потенциал насилия был исчерпан, а накопленные противоречия несли все более явную угрозу полного экономического краха, чего не могла скрыть даже идеологическая ослепленность партийных лидеров. Прорыночное законодательство эпохи перестройки оказалось неизбежным, но оно заведомо не могло ни спасти социализм в его марксистской трактовке, ни даже продлить его историю, а именно на это рассчитывал инициатор перестройки М.С. Горбачев. Как и следовало ожидать, оно широко распахнуло двери давно назревшим рыночным отношениям, в мгновение ока объявившим огромное экономическое пространство страны. Уже к исходу 1980-х гг. в стране насчитывалось более 1000 коммерческих банков. Случилось «страшное» – началась эпоха реставрации капитализма.

Ограниченность экономического потенциала социализма, предпосланная его неадекватностью, по крайней мере, индустриальному этапу развития, наиболее наглядно проявилась в дефицитном характере советской экономики, нараставшем на протяжении всех советских лет вопреки ускоренной индустриализации, вопреки ее планомерному развитию. Отнюдь не случайно неизбежность дефицитного характера советской экономики впервые была осознана

наиболее прозорливыми советскими учеными уже на исходе 1920-х гг. Так называемые пессимисты, в числе которых наиболее убежденными были Л. Крицман и В. Новожилов, усмотрели в этом опасность для советской экономики, оказавшуюся реальной. И напротив, ученые-оптимисты во главе с будущим академиком С.Г. Струмилиным трактовали его как положительный фактор, что и было опровергнуто всей последующей историей социализма. Однако в последующий период советской экономической наукой эта проблема была предана забвению (скорее негласному запрету) вопреки ее неизменно нарастающей актуальности. Слишком опасной она представлялась. Впервые всесторонний анализ этого явления был проведен еще в 1970-е гг. крупным венгерским ученым Я. Корнаи (Корнаи, 1990). Проведен на уровне микро- и макроэкономики, т. е. в традициях экономикса, что отнюдь не принижает его значимости, но и поныне сохраняет свою актуальность политэкономический анализ данной проблемы. Проблемы именно дефицитного характера советской экономики как вобравшей в себя многоаспектную неадекватность тотально огосударственной экономики индустриальной эпохе.

И все же коснемся нескольких аспектов данной проблемы. Многоаспектная неадекватность социализма как экономической системы индустриализации предпослана господствующим статусом государственной собственности. Попытаемся рассмотреть основные из этих аспектов. Исходным представляется особый механизм экономической реализации статуса собственника, присущий данной форме собственности. Суть его – фактически исключительно совместное присвоение прибавочного продукта, предпосланное ее экономическим происхождением – общенародным. Индивидуальному присвоению рабочим классом и колхозным крестьянством подлежит необходимый продукт (напомним, что даже при акционерной, общественной, по Марксу, собственности часть прибыли ее инвесторами присваивается индивидуально). Тем самым заведомо утрачивалась личная заинтересованность ее субъектов в наращивании прибавочного продукта в противоположность заинтересованности в наращивании необходимого. Утрачивалась еще и вследствие того, что даже непосредственная связь прибавочного продукта с формированием общественных фондов потребления не осознавалась, тем более, что доступ к ним был равным для всех. К тому же предпочтения при формировании этих фондов определялись исключительно государством в облике управленческого слоя, и при этом далеко не всегда в полном соответствии с интересами народных масс. К тому же немалая часть прибавочного продукта присваивалась так называемой номенклатурой в форме привилегий, введенных еще во времена Ленина, что давало столь веское основание трактовать ее господствующим классом. Именно так и определяет ее М. Восленский (Восленский, 1991). Неслучайно с их отмены и началась перестройка.

При непосредственной заинтересованности субъектов государственной собственности в наращивании необходимого продукта величина заработной платы прямо и непосредственно зависела от выполнения планового задания. Тем самым формировалась заинтересованность трудового коллектива и каждого его члена в его занижении, усугублявшаяся еще и тем, что премии выплачивались за его перевыполнение. Практикой сознательного занижения плановыми органами плановых заданий на всех уровнях (от цеха до отраслевого министерства) планирования исключалось исчерпывающее использование производственного потенциала основных и оборотных производственных фондов вплоть до накопления их излишков на предприятиях в целях подстраховки, данные о масштабах которых были в открытом доступе. Тем более гасилась заинтересованность во внедрении нового производственного оборудования, всегда связанном с риском для выполнения плана.

Неизменное занижение плановых заданий, отторжение новой, более совершенной техники, порожденные непосредственной личной заинтересованностью субъектов государственной собственности в производстве необходимого продукта, – таковы исходные факторы формирования дефицитного характера экономики, предпосланные распространением государственной собственности за пределы «дозволенного», т. е. за пределы производства общественных благ, масштабами которого и определяются границы данной формы собственности, предпосланные ее природой.

Не менее весомый вклад в формирование дефицитного характера экономики вносила и гарантированная государством всеобщая занятость. Но таковая заведомо трудно совместима с природой индустриализации, направленной именно на замену живого труда машинным вплоть до полного опустошения фабрично-заводских цехов (таков критерий ее завершения). При капитализме проблема занятости решалась не только парадигмой экономического роста, но формированием фактически с чистого листа сферы услуг, ныне доминирующей по числу занятых в ней (в развитых странах 70–80% числа занятых). Однако советскими учеными труд в ней признавался не производительным, а потому широкого развития она не получила, проблемы занятости не решала. Под мощным воздействием проблемы занятости предпочтение фактически (а на ранних этапах индустриализации и теоретически) отдавалось физическому износу производственного оборудования, а не моральному, но тем самым – экстенсивному типу общественного воспроизводства, преобладавшему на протяжении всей истории социализма. Преобладавшему вопреки многочисленным работам советских ученых, направленным на обоснование необходимости сбалансированности типов воспроизводства.

Под воздействием всех этих обстоятельств экстенсивный тип общественного воспроизводства, гарантирующий полную занятость, оказался доминирующим. Парадигма экономического роста в органическом единстве экстенсивного и интенсивного, присущая индустриально-капиталистическому развитию, в эпоху социализма приобрела преимущественно односторонний характер – экстенсивный. Следствием явилось устойчивое нарастание технологической отсталости советской экономики, ставшей еще одним и притом непреодолимым фактором, питавшим дефицитный характер советской экономики. Неизменным инновационным лидером был ВПК. Неизменным и единственным, так как вложенные в него инновации не подлежали рассекречиванию, они не имели узаконенного срока давности, как в странах капитала.

Великим преимуществом социализма признавалось народнохозяйственное планирование, действительно присущее государственной собственности, не просто ассоциированной, но высшей в числе ее форм, а потому народнохозяйственной по своим масштабам. Планированием гасились потери, неизбежные при стихийном характере развития, присущего рыночной экономике. Планы неизменно выполнялись и перевыполнялись, вселяя энтузиазм и уверенность в наступлении «светлого будущего» в годы первых пятилеток (Левин, 1930), окончательно угасшие к исходу последних.

Но и сами планы составлялись, как уже было отмечено, при заинтересованности трудовых коллективов, неизменно участвовавших в разработке контрольных цифр, в их занижении. Были и технические сложности, так как составлялись они при помощи примитивной вычислительной техники (арифмометр и бухгалтерские счета), при отсутствии высококвалифицированных кадров в столь сложной области экономики. К тому же ситуация усугублялась еще и огромными масштабами страны и ее экономики, неизбежным следствием чего явилось фор-

мирование механизмов централизованного директивного народнохозяйственного планирования экономически несостоятельного уровня монополизации производства (предприятия-гиганты были нормой), чем заведомо снижалась эффективность функционирования советской экономики. По этой же причине промышленные объекты оказывались сосредоточенными в крупных мегаполисах (ни в одной столице мира не было сосредоточено столько промышленных объектов, как в Москве), следствием чего становилась неравномерность развития экономического пространства страны.

Воздействие всех этих негативных обстоятельств было многократно усугублено «враждебным окружением», т. е. капиталистическим, в котором советские политические лидеры усматривали главную опасность для судьбы социализма, как оказалось, без особых на то оснований. Так, отнюдь не социализм спровоцировал нападение Германии на СССР, равно как не помешал он и США оказывать в весьма значимых масштабах военную помощь СССР в годы Второй мировой войны. Более того, союзниками по войне позволено было отнюдь не на основе свободного выбора в самих странах сформировать мировую социалистическую систему в пределах сферы влияния.

Но таким, как оказалось, не имевшим оснований предубеждением и было предопределено приоритетное и неизменно инновационное на уровне мировых лидеров развитие ВПК на протяжении всех лет социализма, истощавшим гражданскую экономику. Таков еще один устойчивый фактор формирования дефицитной экономики, предпосланный не только природой социализма как таковой, но в данном контексте политическим фактором – его особым местом в мировом пространстве. Особым вследствие по крайней мере преждевременности появления социализма на мировой сцене. Более того, в пределах линии горизонта не просматривается социализм в его марксистской трактовке и поныне, несмотря на то, что процесс социализации прогрессирует, что все чаще отмечается учеными, российскими в том числе (Морозов, 2021).

Однако рухнул социализм без единого выстрела со стороны «враждебного окружения». Рухнул под воздействием накопленных им до критического уровня присущих ему социально-экономических противоречий, механизмом разрешения которых он не обладал и не мог обладать, не будучи предусмотренным экономическими закономерностями в индустриальную эпоху. Более того, именно механизмом планирования (стихии не было места в советской экономике, начиная с первой пятилетки) была сформирована глубоко разбалансированная экономика. В числе дисбалансов – такие, как приоритетное развитие ВПК относительно гражданского комплекса, тяжелой промышленности относительно легкой, внутри промышленности отраслей первого подразделения относительно второго, промышленности относительно сельского хозяйства, сферы материального производства относительно сферы услуг. Тем более значимым явилось нарушение соотношения типов воспроизводства: экстенсивного и интенсивного с акцентом на первый, обрекавшее экономику на технологическую отсталость.

Идеологическая нагрузка на общественные науки, политэкономии в том числе, исключала возможность объективного анализа природы социализма и его противоречий. Даже столь зримо и устойчиво нараставший дефицитный характер экономики не стал объектом научного анализа в советской политэкономии. Всестороннему анализу противоречия социализма подверглись лишь в постсоветский период. В числе лидеров оказалось первое в стране учебное пособие по экономике переходного периода, подготовленное кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ (Радаев, Бузгалин, 1995). Весьма обстоятельный анализ природы социализма и неизбежности его гибели в силу объективных причин (вследствие чего

даже отчаянная попытка повернуть историю вспять, предпринятая ГКЧП, потерпела крах, не получив поддержки со стороны народных масс) представлен в ряде монографий, опубликованных на рубеже XX–XXI вв. (назовем лишь некоторые из них: Кудров, 1997; Красникова, 2003; Гайдар, 2005; Красникова, 2009; Красникова, 2013). Однако и поныне не изжитая скорбь по социализму ограничивает возможности его адекватного отражения в науке.

Столь глубокой и многоаспектной разбалансированностью и был порожден беспрецедентный по масштабам трансформационный спад 1990-х гг. К исходу спада на плаву остались промышленные объекты, способные к возрождению.

Из всех постсоциалистических стран спад не постиг лишь экономику КНР, так как уже к началу реформирования, официально провозглашенному в декабре 1978 г., она находилась в состоянии агонии. Потому и возрождение началось в первые же годы. Не менее важно и то, что Дэн Сяопином (в России такого масштаба личности не оказалось) была разработана именно национальная модель преобразований, что и отражено в самом ее названии – преобразования направлены на возведение «социализма с китайской спецификой», весьма далекой, однако, от марксистской его трактовки. Успех гарантировало и то, что начаты они были аграрной реформой, а сама реформа – роспуском народных коммун, тождественным постепенному и безболезненному погружению крестьянства – а это подавляющая масса населения – в русло рыночных отношений.

Итак, внешним проявлением не подлежащих разрешению внутренних противоречий тотально огосударственной экономики явился ее хронически дефицитный характер. В качестве социалистической она и была наделена врожденной способностью его формировать. Единственно возможный способ их преодоления – вступление на путь возрождения капитализма, рыночных отношений, что и было сделано М.С. Горбачевым принятием прорыночного законодательства, но официально – в целях «очеловечивания» социализма, коему последний не подлежал. Фактически же были созданы юридические предпосылки для реставрации капитализма, неизбежной в силу объективных причин. Неизбежной, коль скоро экономические законы столь же неотвратимы, как и законы природы, их нарушение носит лишь временный и разрушительный по последствиям характер. Временной лаг между нарушением экономических законов и негативными последствиями создает лишь ложную видимость отсутствия таких законов в отличие от законов природы, разрушительные последствия нарушения которых наступают немедленно.

Заключение

Итак, прогноз классиков о грядущем конце капитализма, основанием для которого послужили весьма мрачные реалии первого этапа в развитии капитализма, а иными они и быть не могли на этом этапе, все же был апробирован на практике с негативным результатом. Самым естественным образом преуспел он лишь на поприще утверждения социальной природы государства, заведомо присущей данному институту. Отметим лишь, что на этом поприще государство преуспевает и в капиталистических странах – в настоящее время наиболее успешно в Скандинавских странах. Не просматривается социализм и в стремительно наступающую постиндустриальную эпоху даже в концепции «социализма с китайской спецификой» ввиду возрождения частных форм собственности, рыночного характера экономики с присущими данной стране национальными особенностями. Так, спецификой национальной модели воздается столь уместная и в новой реальности дань не просто сохранению, но и углублению

социальной природы государства, реализуемая на практике тем полнее, чем более развито в стране гражданское общество.

Иной оказалась судьба второго прогноза Маркса, подтвержденного историей капитализма. Эволюция индивидуальной частной собственности в частные же формы ассоциированной позволила капитализму завершить свою историческую миссию в развитии производительных сил – индустриализацию – освоением третьей промышленной революции к началу XXI в.

Исчерпание потенциала индустриально-капиталистического развития как органического единства наиболее наглядно выявлено экологическим кризисом, порожденным целевой установкой на максимизацию прибыли, достигаемую все более разрушительным воздействием на природу, и как следствие – неизменно нарастающим социальным неравенством со стороны производственных отношений. Исчерпанием потенциала индустриально-капиталистического развития и порожден качественно новый этап в развитии производительных сил – NBIC-технологии, ныне в развитых странах широко внедряемые. Сложные и неоднозначные последствия их внедрения осмысливаются ныне учеными-экономистами всех школ и направлений, в том числе и специалистами в области политической экономии.

Самое примечательное и значимое во вновь формирующейся экономической системе – обретение индивидуальной частной собственностью мощного второго дыхания по мере ее интеллектуализации, гарантирующей новой системе освоение качественно нового этапа в развитии производительных сил. Набирает мощь и процесс социализации по мере упразднения монополии частных форм собственности, по мере укрепления позиций государства в качестве макроэкономического субъекта.

Список литературы

- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Богл Дж.К. Битва за душу капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 422 с.
- Бодрунов С., Десаи Р., Фриман А. По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. 368 с.
- Воейков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии: дилемма Ленина. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 360 с.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; Октябрь, 1991. 624 с.
- Все страхи Давоса // Ведомости. 2023. № 6 (5646). С. 11.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 656 с.
- Гобсон Д. Империализм. Л.: «Прибой», 1927.
- Комиссаров А.Г. Меритократический принцип отбора управленческих кадров: исторический аспект и современное применение // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 45–58.
- Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 608 с.
- Красникова Е.В. Капитализм в российском интерьере. LAP Lambert Academic Publishing, 2013.
- Красникова Е.В. Парадоксы экономического развития России: XX–XXI вв. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. 327 с.
- Красникова Е.В. Развитие капитализма в России век спустя. М.: ТЕИС, 2003. 167 с.

- Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Левин Р. План социалистического наступления. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 109 с.
- Львова М.И. Перспективы налогообложения самозанятых лиц в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 554 с.
- Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995.
- Морозов В.А. Теория совместимости: монография в 3 т. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2021.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem Press, 2015.
- Попов Г.Х. Ошибка в проекте (ленинский тупик). М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008. 510 с.
- Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. Патерналистское государство и гражданское общество // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57).
- Фермеры против зеленых // Ведомости. 2023. № 50 (5690). С. 11.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 539 с.
- Экономика переходного периода: Учебное пособие / под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. М.: Изд-во МГУ, 1995. 410 с.

Theoretical Issues

FORECASTS OF K. MARX AND F. ENGELS ON THE POST-CAPITALIST FUTURE: THE TEST OF TIME

Evgeniya V. Krasnikova

*PhD in economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics,
Department of Political Economy
(Moscow, Russia)*

Abstract

The modern world has entered a complex controversial era of changing economic systems, clearly visible in a variety of new phenomena. These include the completion of industrialization in developed countries with the development of the third industrial revolution and the entry into the era of technology development of the Fourth industrial revolution. Such a change resolves the fundamental contradiction of capitalism that has reached a critical level, in the author's interpretation, on the side of the productive forces acting as an environmental crisis, on the side of industrial relations – inequality in income and property.

In the era of changing economic systems, it is appropriate to ask a question about the relevance of classical forecasts regarding the future of capitalism, and there are two such in their scientific heritage. The first of them is the well-known socialist one, set out in the Manifesto of the Communist Party, published in 1848, and, on the contrary, the forecast about the «transformation of the capitalist mode of production into an associated one,» which Marx outlined very succinctly, but clearly and unambiguously in the third volume of Capital. The followers of the classics picked up the first forecast, contrary to their expectations, which never took place in the history of capitalism in developed countries, addressed directly to them by the classics, but implemented in semi-feudal Russia. However, the age of socialism turned out to be short-lived in it, but the reasons for its fleeting death are not fully realized to this day. And on the contrary, the second forecast took place: capitalism underwent such a transformation at the stage of mastering the second industrial revolution and even more – the third.

Let's try to figure out how popular a socialist forecast can be in modern conditions. This is also relevant in view of the steady increase in state ownership, which abolishes the monopoly of private ownership forms inherent in capitalism and contributes to the increasing role of the state as a macroeconomic entity.

Keywords: industrial revolutions, economic systems, classical forecasts, service economy.

JEL: G32, P14, P16, Q56.

For citation: Krasnikova, E.V. Forecasts of K. Marx and F. Engels on the Post-Capitalist Future: The Test of Time. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 15, no. 3, pp. 7-28. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-7-28.

References

- Berdyayev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990. 224 s. (In Russ.).
- Bogl Dzh.K. Bitva za dushu kapitalizma. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2011. 422 s. (In Russ.).
- Bodrunov S., Desai R., Friman A. Po tu storonu global'nogo krizisa: noonomika, kreativnost', geopolitekonomiya. SPb: INIR im. S.Yu. Vitte, 2022. 368 s. (In Russ.).
- Voeykov M.I. Predopredelennost' sotsial'no-ekonomicheskoy strategii: dilemma Lenina. M.: Knizhnyy dom «Librokom», 2009. 360 s. (In Russ.).
- Voslenskiy M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz. M.: Sovetskaya Rossiya; Oktyabr', 1991. 624 s. (In Russ.).
- Vse strakhi Davosa. Vedomosti. 2023. № 6 (5646). S. 11 (In Russ.).
- Gaydar E.T. Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii. M.: Delo, 2005. 656 s. (In Russ.).
- Gobson D. Imperializm. L.: «Priboy», 1927 (In Russ.).
- Komissarov A.G. Meritokraticheskiy printsip otbora upravlencheskikh kadrov: istoricheskiy aspekt i sovremennoe primenenie. Voprosy ekonomiki. 2023. № 1. S. 45–58 (In Russ.).
- Kornai Ya. Defitsit. M.: Nauka, 1990. 608 s. (In Russ.).
- Krasnikova E.V. Kapitalizm v rossiyskom inter'ere. LAP Lambert Academic Publishing, 2013 (In Russ.).
- Krasnikova E.V. Paradoksy ekonomicheskogo razvitiya Rossii: XX–XXI vv. M.: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 2009. 327 s. (In Russ.).
- Krasnikova E.V. Razvitie kapitalizma v Rossii vek spustya. M.: TEIS, 2003. 167 s. (In Russ.).
- Kudrov V.M. Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya. M.: Nauka, 1997. 303 s. (In Russ.).
- Levin R. Plan sotsialisticheskogo nastupleniya. M.; L.: Gos. izd-vo, 1930. 109 s (In Russ.).
- L'vova M.I. Perspektivy nalogooblozheniya samozanyatykh lits v Rossii. Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. 2019. № 2 (In Russ.).
- Marks K., Engel's F. Soch. T. 25. Ch. 1. M.: Gospolitizdat, 1956. 554 s. (In Russ.).
- Mendeleev D.I. Zavetnye mysli. M., 1995 (In Russ.).
- Morozov V.A. Teoriya sovместимости: monografiya v 3 t. M.: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2021 (In Russ.).
- Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: Ad Marginem Press, 2015 (In Russ.).
- Popov G.Kh. Oshibka v proekte (leninskiy tupik). M.: Izdatel'skiy dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2008. 510 s. (In Russ.).
- Rubinshteyn A.Ya., Grinberg R.S., Gorodetskiy A.E. Paternalistskoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2022. № 5 (57) (In Russ.).
- Fermery protiv zelenykh. Vedomosti. 2023. № 50 (5690). S. 11 (In Russ.).
- Shumpeter Y. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: Ekonomika, 1995. 539 s. (In Russ.).
- Ekonomika perekhodnogo perioda: Uchebnoe posobie. Pod red. V.V. Radaeva, A.V Buzgalina. M.: Izd-vo MGU, 1995. 410 s. (In Russ.).